



Павел Павлов

Комната без ОКОН

Павел Агафонов

Комната без окон

«Автор»

2026

Агафонов П.

Комната без окон / П. Агафонов — «Автор», 2026

На закрытом острове, в психиатрической клинике, находят мёртвым главного врача. Дверь кабинета заперта изнутри. Окон нет. Камеры показывают: никто не входил. Детектив Матвей Коваль приезжает один. И с первых минут понимает: этот коридор он уже видел. А на фотографии в кабинете убитого — его сестра, пропавшая пятнадцать лет назад. Пациенты говорят не загадками, а датами. Один утверждает, что убийство произошло завтра. Другой рисует смерть, которой ещё не было. Третий пишет имя Ковалья на стене задолго до того, как он получил дело. Кто-то знал о расследовании заранее. Кто-то оставил подсказки. Кто-то написал план ещё до того, как всё началось. Чтобы найти убийцу, Ковалю придётся вспомнить то, что у него отняли. Пройти по коридору, который он сам заколотил. Открыть дверь, которую сам закрыл. Заглянуть в комнату без окон — потому что комната без окон это не кабинет. Это он сам. Психологический триллер о памяти, которую нельзя стереть, и о двери, которая ведёт внутрь.

© Агафонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остров	5
Глава 2. Тело	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Павел Агафонов

Комната без окон

Глава 1. Остров

Паром отходил в шесть сорок. Коваль приехал за час. Он стоял у бетонного парапета, спиной к терминалу, лицом к воде, и курил вторую сигарету подряд. Он обещал себе, что бросит ещё в прошлый вторник. Ветер с залива был сырой и тяжёлый. Пахло ржавчиной и водорослями. Над горизонтом висела серая мгла. Не туман и не облака, а что-то среднее. Будто море дышало на город и не могло согреться.

Коваль посмотрел на часы. Шесть двенадцать.

Он не любил воду. Не боялся, просто не любил. В детстве они с Евой ездили к бабушке на Волгу. Он всегда садился спиной к реке, лицом к берегу. Чтобы видеть землю. Ева смеялась и называла его трусом. Ему было девять, ей — семь. Она заплывала дальше всех. Нырляла с плота и выныривала с водорослями в волосах. Хохотала так, что чайки взлетали.

Коваль бросил окурочек в урну. Прوماхнулся. Поднял. Бросил снова.

Пятнадцать лет. Если бы он тогда обернулся. Если бы не отпустил её одну в коридор, к медсестре. Если бы.

Он не любил сослагательное наклонение. Оно ничего не исправляло. Только разъедало изнутри.

— Детектив Коваль?

Он обернулся. Перед ним стоял мужчина в форме, лет пятидесяти, с бейджем «Диспетчер».

— Да.

— Ваш пропуск. И предупреждение: на острове нет связи. Совсем. Ни мобильной, ни спутниковой. Клиника работает автономно. Внутренняя линия есть, но только между корпусами. Если что-то срочное — передадите через капитана. Он идёт обратно в семь вечера.

— Понял.

— И ещё. — Диспетчер понизил голос. — Вы первый за три года, кто туда едет не по приглашению.

— А по приглашению кто ездит?

Диспетчер посмотрел на него внимательно. Как смотрят на человека, который задаёт вопрос, а ответ ему не понравится.

— Родственники. Раз в месяц. По списку.

Он вручил Ковалю пластиковую карточку и ушёл. Не попрощался. Коваль посмотрел на пропуск. Фотографии не было. Только фамилия, инициалы и слова: «ВРЕМЕННЫЙ ДОСТУП. КОРПУС А. УРОВЕНЬ 1». Он перевернул карточку. На обороте, мелко, почти стёрто: «Дора».

Коваль сжал карточку так, что пластик хрустнул.

Паром был старый. С облупленной краской и деревянными скамейками. На скамейках кто-то вырезал ножом имена. Коваль сел у окна. Окно было мутное, забрызганное солью. Он не стал его протирать. Внутри пахло дизелем и мокрой шерстью.

Кроме него, пассажиров было четверо. Женщина с сумкой-холодильником. Двое мужчин в спецовках — техники. И старик в брезентовом плаще. Старик всю дорогу смотрел на воду и не двигался.

Коваль достал телефон. Сети не было. Он всё равно смотрел на экран. Как будто там могло появиться сообщение. Ничего не появлялось. Он убрал телефон.

Задание он получил вчера в шестнадцать сорок. Полковник Гринёв вызвал его в кабинет. Закрыв дверь. Налил себе воды из графина.

— Матвей Андреевич. Дело деликатное. Остров Дора. Психиатрическая клиника закрытого типа. Утром нашли мёртвым главврача. Верский, Адриан Львович. Пятьдесят восемь лет. Известная фигура.

— Криминал?

— Пока неясно. — Гринёв сделал глоток. — Тело в кабинете. Дверь заперта изнутри. Окон в кабинете нет. Камеры в коридоре. Никто не входил, никто не выходил. Смерть — предварительно — остановка дыхания.

— То есть естественная.

— То есть неизвестная. — Гринёв поставил стакан. — Эксперт говорит, следов насилия нет. Но есть одна деталь. В вентиляции нашли распылитель. Кустарный. С таймером.

Коваль молчал.

— Ты едешь туда один, — продолжил Гринёв. — Местная охрана — частная контора. Они не следователи. Никаких федералов, никакого шума. Клиника на особом статусе. Там пациенты... — он поискал слово, — ...чувствительные. Основание частное. Родственники. Если что-то пойдёт не так, ты меня понял.

— Понял.

— Хорошо.

Коваль уже взялся за ручку двери. Гринёв сказал, не поднимая глаз:

— Матвей Андреевич. Ты раньше не сталкивался с этим учреждением?

Пауза была короткой. Достаточно короткой, чтобы её можно было не заметить. И достаточно длинной, чтобы оба её заметили.

— Нет, — сказал Коваль.

Он соврал. Сам не знал почему.

Паром причалил в семь двадцать две. Остров был маленький. Скалистый, поросший колючим кустарником. Одна дорога шла от причала вверх, к серому зданию на холме. Здание было длинное, трёхэтажное. С плоской крышей и узкими окнами, забранными решётками. Не клиника, а крепость. Слева стоял второй корпус, поменьше. Обнесённый забором с колючей проволокой. Справа — ангар и дымящая труба. Пахло не морем, а мазутом и чем-то сладковатым, аптечным.

Коваль вышел на причал. Его встретил охранник. Молодой, стриженный под ноль, с рацией на поясе.

— Детектив? За мной.

Они пошли вверх. Дорога была выложена бетонными плитами. Между плитами проросла трава. Коваль смотрел под ноги. Вдруг заметил, что считает шаги. Один, два, три, четыре... Он остановился на семнадцатом. Не понял, зачем.

— Что-то не так? — обернулся охранник.

— Нет. Идём.

У ворот стояли ещё двое. Коваль предъявил пропуск. Его провели через металлодетектор. Отобрали телефон — «вернём на выходе». Выдали бумажный браслет с номером 0417.

— Что это значит? — спросил Коваль.

— Ничего, — сказал охранник. — Порядковый.

Коваль не поверил.

Внутри клиника пахла хлоркой и чем-то тёплым, сладковатым. Как остывший чай. Стены были бледно-зелёные. Пол серый. Линолеум вытерт в центре коридоров до белизны. Лампы дневного света гудели. Это гудение было единственным звуком. Ни голосов, ни шагов, ни дверей.

Коваль шёл по коридору. Что-то внутри него начинало дрожать. Не страх. Что-то хуже. Тело уже узнало то, чего он сам ещё не вспомнил. Он уже видел этот коридор. Не помнил когда, не помнил как. Но тело помнило. Ноги сами замедлялись у поворота. Глаза сами искали третью дверь слева. Рука сама потянулась к стене. Коваль отдёргнул её.

Он остановился. Приложил ладонь к груди. Сердце билось ровно. Он заставил себя дышать глубже. Это просто длинный коридор. Таких коридоров в его жизни были сотни. Мозг достраивает, обманывает, ищет паттерны. Обычная нейробиология. Ничего мистического.

Он пошёл дальше.

Кабинет Верского был в конце крыла. Дверь приоткрыта. Изнутри бил яркий свет. У входа стоял эксперт. Немолодой, в очках, с папкой под мышкой.

— Коваль? — спросил он.

— Да.

— Фамилия моя Ожгибцев. Я тут единственный, кто хоть что-то понимает в трупах. Так что не судите строго. — Он говорил быстро, будто извинялся заранее. — Тело не трогали. Врач констатировал смерть в семь десять утра. Я осмотрел. Внешне чисто.

— Что значит чисто?

— Ни ран, ни следов борьбы, ни инъекций. Поза естественная. Сидел в кресле. — Ожгибцев отступил в сторону. — Смотрите сами.

Коваль вошёл.

Кабинет был небольшой. Метров двадцать. Стол, два кресла, книжный шкаф во всю стену, кушетка. Ни окон. Свет только от лампы на потолке. Холодной, белой. Дверь одна. Замок внутренний, механический, с задвижкой.

В кресле у стола сидел человек. Серый костюм, рубашка без галстука. Руки на подлокотниках. Голова чуть склонена набок. Как у человека, который задремал в поезде. Лицо спокойное. Глаза закрыты. Никакой гримасы, никакой судороги. Ничего, что обычно оставляет смерть.

Коваль смотрел на него долго.

— Когда его нашли? — спросил он.

— В семь десять. Медсестра принесла чай. Постучала, никто не ответил. Открыла...

— Дверь была не заперта? — спросил Коваль.

— Заперта, — сказал Ожгибцев.

— Заперта, — повторил Коваль.

Он обошёл кабинет. Стены гладкие, без трещин. Шкаф тяжёлый, придвинут к стене. Кушетка пустая, застелена. Потолок ровный. С одной решёткой вентиляции над столом. Он посмотрел на решётку. Обычная, металлическая, с шестью винтами. Пять на месте. Шестой новый.

— Кто-нибудь трогал вентиляцию?

— Охрана говорит нет. Но винт свежий, я тоже заметил. — Ожгибцев помолчал. — Вы думаете, через неё?

— Воздуховод идёт в технический коридор?

— Идёт. Но там слепая зона. Камера сломана три года назад. И в коридор можно попасть только из подсобки. А подсобка была заперта.

— Ключ?

— У санитара. Громик, Юрий. Он говорит, что ключ висел на щитке весь вечер.

Коваль кивнул. Подошёл к столу. На столе бумаги, чашка, ручка, очки. И маленькая фотография в рамке. Повёрнутая к стене. Он взял её, повернул. С фотографии смотрела девочка. Лет семь, светлые волосы, смеётся, держит в руке мороженое.

Коваль поставил рамку обратно. Руки не дрожали. Он был уверен, что руки не дрожат. Даже посмотрел на них, чтобы убедиться.

— Кто это? — спросил он, не оборачиваясь.

— Не знаю, — сказал Ожгибцев. — Я спрашивал. Никто не знает. Говорят, доктор никого не пускал в кабинет. Ни персонал, ни пациентов. Только он.

Коваль смотрел на фотографию ещё секунду. Потом сказал:

— Ладно. Давайте камеры.

Камеры смотрели в коридор. Одна напротив двери кабинета. Вторая у поворота. Третья у поста медсестры. Запись была непрерывная. С двадцати одного ноль-ноль до семи десяти. Коваль смотрел её дважды.

В двадцать один семнадцать Верский вошёл в кабинет. Один. В руках папка. Больше никто не входил. Дверь закрылась.

В двадцать один двадцать три свет под дверью погас.

В двадцать один сорок одна по коридору прошла медсестра. Кросс, Анна. С тележкой. Не останавливалась.

В двадцать два ноль пять у поворота мелькнула тень. Коваль прокрутил назад. Тень. Одна секунда. Не человек. Игра света? Он прокрутил ещё раз. Тень.

В двадцать три двадцать одна камера напротив двери мигнула. Помеха, полсекунды. Как будто кто-то прошёл слишком близко к объективу.

В ноль тридцать — ничего. В два ноль-ноль — ничего. В четыре — ничего. В шесть сорок пять у двери появилась медсестра. В семь десять она открыла дверь и закричала беззвучно. Микрофона в коридоре не было.

Коваль остановил запись.

— Кабинет заперт изнутри, — сказал он вслух. — Окон нет. Вентиляция единственный путь. Но чтобы распылить газ, надо быть снаружи. Значит, устройство поставили заранее.

— Похоже на то, — согласился Ожгибцев.

— Кто имел доступ в технический коридор?

— Громик. И Штерн. Лидия Штерн, заместитель Верского. У неё второй комплект ключей. И Анна Кросс, медсестра. Иногда ей давали ключ, когда Громик уходил.

Коваль записал имена. Потом спросил:

— Верский был здоров?

— Насколько я знаю, нет. — Ожгибцев поморщился. — У него был рак. Поджелудочная. По бумагам третья стадия. Ему оставалось месяца три, может, четыре.

Коваль молчал.

— Смешно, да? — сказал Ожгибцев. — Человека убили, а он и так умирал. Зачем?

— Затем, — сказал Коваль, — что кто-то хотел, чтобы он умер не своей смертью.

Он вышел из кабинета. В коридоре было всё так же тихо. Лампы гудели. Где-то далеко, за двумя стенами, кто-то начал напевать. Тихо, без слов, на одной ноте. Напев оборвался.

Коваль пошёл к посту медсестры. У него было три вопроса. Ни один из них он не соби-
рался задавать вслух.

Первый: почему он солгал полковнику.

Второй: почему он знает этот коридор.

Третий: почему на фотографии в кабинете убитого его сестра.

Он не помнил, как выглядела Ева в семь лет.

Или помнил.

Глава 2. Тело

Пост медсестры был у поворота, за стеклянной перегородкой. За перегородкой сидела женщина лет тридцати. Худая, с острыми плечами, коротко стриженными тёмными волосами. На бейдж: «А. Кросс». Она смотрела в монитор. Когда Коваль подошёл, вздрогнула. Как будто её ударили.

— Анна?

— Да. — Она встала. Слишком быстро. — Вы детектив?

— Коваль. Матвей.

Он протянул руку. Она посмотрела на его ладонь. Потом на его лицо. И только потом пожалала. Пальцы у неё были холодные.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Не здесь. Есть где поговорить?

— Комната для персонала. Через две двери.

Она пошла первой. Коваль шёл за ней. Смотрел на её спину. Она держала плечи слишком прямо. Как человек, который боится, что если расслабится, то сломается. У самой двери она остановилась. Обернулась. Сказала тихо, почти неслышно:

— Вы не спрашивайте меня про доктора при других. Пожалуйста.

— Хорошо.

Комната для персонала была маленькая. Диван, микроволновка, чайник. На стене расписание дежурств. Коваль сел на диван. Анна осталась стоять.

— Когда вы в последний раз видели Верского живым?

— Вчера. Вечером. Около девяти. — Она сглотнула. — Он сказал, что не хочет ужинать. Что поработает и ляжет. Он часто так делал.

— Он оставался в кабинете?

— Да.

— Дверь была открыта?

— Приоткрыта. Потом закрылась.

— Вы слышали, как он её запирает?

Пауза. Слишком длинная.

— Слышала.

— Вы уверены?

— Задвижка скрипит, — сказала Анна. — Всегда скрипит. Я слышала скрип.

Коваль кивнул. Он смотрел на её руки. Она держала их перед собой. Пальцы переплетены. Костяшки побелели.

— Анна. Кто-нибудь ещё был в крыле в тот вечер?

— Никого. Пациенты в палатах после восьми. Санитар обходит в десять. Доктор Штерн ушла в семь.

— А вы?

— Я была на посту до полуночи.

— Камера напротив кабинета мигнула в двадцать три двадцать. Помеха. Вы что-нибудь видели?

Она покачала головой. Но глаза её смотрели не в его глаза, а чуть левее. На стену.

— Анна.

— Я ничего не видела.

— Я не спрашиваю, что вы видели. Я спрашиваю, что вы помните.

Она подняла на него глаза. В них была не паника. Усталость. Такая, какую видят у людей, которые давно живут с чем-то. Чего не могут ни изменить, ни рассказать.

— Детектив, — сказала она. — В этой клинике не помнят только то, что хотят забыть. Остальное помнят все. И никто не говорит.

— Почему?

— Потому что доктор Верский умел слушать. А доктор Штерн умеет заставлять молчать. Это разные вещи. И разные люди.

Она замолчала. Коваль тоже молчал. Потом спросил:

— Верский был болен?

— Да. Рак.

— Он знал, сколько ему осталось?

— Он знал точнее, чем мы. — Анна усмехнулась. Усмешка вышла кривой. — Он говорил, что смерть — это не событие. Это решение.

— Он так говорил?

— Он так говорил часто. В последние месяцы. Он говорил: «Я не хочу умереть от болезни. Болезнь — это скучно».

Коваль записал. Потом закрыл блокнот.

— Спасибо, Анна.

Она кивнула и вышла первой. У двери снова остановилась. Но не обернулась. Сказала в стену:

— Вы ночуете здесь?

— Да.

— Тогда закройте дверь. На задвижку. Даже если вам покажется, что это глупо.

Она ушла. Коваль посидел ещё минуту. Потом встал и пошёл обратно в кабинет Верского.

Ожгибцев уже собирал инструменты. Тело оставалось в кресле. Его нельзя было трогать до приезда судмедэксперта с материка. А судмедэксперт должен был прибыть только завтра утром. Паром ходил дважды в день. Расписание никто не собирался менять ради покойника.

— Что-нибудь ещё нашли? — спросил Коваль.

— В вентиляции распылитель. Я его вынул, упаковал. — Ожгибцев показал на стол. Там лежал прозрачный пакет. Внутри цилиндр размером с банку. Обмотан изолентой. Два провода и таймер. — Кустарно, но грамотно. Таймер механический. Детали стандартные. Такие есть в любом хозмаге. Ёмкость пустая. Что было внутри, я скажу только после анализа.

— Предположения?

— Дыхательный яд. Что-то летучее. Фентанил, возможно. Или что-то из анестетиков. Он умер во сне. Сердце просто остановилось.

Коваль подошёл к креслу. Смотрел на Верского долго. Тот сидел спокойно, будто спал. Руки на подлокотниках. Голова склонена. Ни одной детали, которая кричала бы о насилии.

— Он не сопротивлялся, — сказал Коваль.

— Нет.

— Он знал.

— Возможно.

Коваль наклонился. На левой руке Верского, на внутренней стороне запястья, была маленькая отметина. Не порез, не синяк. Как будто кожа в этом месте была чуть светлее. Он посмотрел ближе. След от иглы. Старый. Много лет.

— Ожгибцев. Посмотрите.

Эксперт подошёл. Посмотрел. Хмыкнул.

— Это не вчера. Это давно. Лет десять, может, пятнадцать. Капельница, скорее всего. Или забор крови. У него был рак. Ему делали химию.

— Химию делают в больнице. А не в клинике для душевнобольных.

— Ну, — сказал Ожгибцев, — может, он лечился здесь. У него же был свой стационар.

Коваль выпрямился. Снова посмотрел на фотографию в рамке. Девочка с мороженым. Он не стал её трогать. Просто смотрел. Потом сказал:

— Мне нужен доступ в архив.

Архив был в подвале. Туда вела лестница за железной дверью. Дверь открывали ключом. Ключ был у Штерн. Штерн Коваль ещё не видел.

Он нашёл её в ординаторской на втором этаже. Она сидела за столом. Перед ней лежала раскрытая папка. Но она в неё не смотрела. Смотрела в стену. Когда Коваль вошёл, она не вздрогнула. Только медленно перевела на него глаза.

Лидия Штерн была красива той красотой, которая не бросается в глаза сразу. Лет сорока пяти. Тёмные волосы, собранные в низкий пучок. Тонкие черты. И глаза серые, спокойные. Как вода в пасмурный день. Она смотрела на него так, будто знала его давно.

— Детектив Коваль, — сказала она. Не спросила. Утвердила.

— Мы знакомы?

— Нет. — Она чуть улыбнулась. — Но я много о вас слышала.

— От кого?

— От Адриана. Он говорил о вас. Часто. В последний год.

Коваль молчал. Ждал, что она продолжит. Она не продолжала.

— Мне нужен ключ от архива, — сказал он.

— Зачем?

— Затем, что это расследование.

— Это убийство, — сказала Штерн. — Или несчастный случай. Или самоубийство. Мы ещё не знаем. Но вы уже ведёте себя так, будто знаете.

— Я знаю только то, что человек мёртв, а комната заперта изнутри.

— И это всё?

— Нет. — Коваль сделал шаг вперёд. — Ещё я знаю, что в этой клинике лечат не только пациентов. Лечат и врачей. Иногда от них самих.

Штерн смотрела на него долго. Потом встала. Открыла ящик стола. Достала ключ. Положила на стол перед ним. Не в его руку. На стол.

— Архив в подвале. Свет включается справа от двери. Папки по годам. Не трогайте то, что не относится к делу.

— А что относится?

— Вы сами решите, — сказала она. — Вы ведь детектив.

Она снова села. Коваль взял ключ. У двери обернулся.

— Доктор Штерн. Где вы были вчера вечером?

— Дома. В своей квартире в корпусе Б. Смотрела телевизор. Легла в десять.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Никто. Я живу одна.

Она сказала это ровно. Без вызова, без страха. Как человек, который давно решил, что ему нечего скрывать. И потому не боится, что ему не поверят.

Коваль кивнул и вышел.

Он спустился в подвал. Свет был тусклый. Лампы мигали. Архив оказался комнатой метров тридцати. Металлические стеллажи до потолка. Пахло пылью и старой бумагой. На полу следы от чьих-то ботинок. Свежие. Но не его.

Он начал с 2011 года.

Папки были пронумерованы по годам и по отделениям. Он открыл первую. Внутри списки пациентов, истории болезни, протоколы. Имена. Даты. Диагнозы. Ничего необычного. Он листал быстро, но внимательно. На середине второй папки остановился.

Список. Отделение «Кассандра». Двенадцать имён. Дети. Возраст от шести до двенадцати.

Восьмое имя сверху: «Коваль Е. А., 7 лет».

Коваль закрыл папку. Открыл снова. Имя не исчезло.

Он сел на пол, прямо там, между стеллажами. Положил папку на колени. Дышал медленно. Считал вдохи. Один. Два. Три. Четыре.

Потом открыл папку и прочитал всё.

Диагноз: «Диссоциативное расстройство. Посттравматическая амнезия». Дата поступления: 14 августа 2011 года. Дата выписки: прочерк. Примечание: «Переведена в палату 0».

Коваль перевернул страницу. Там был список процедур. Гипнотерапия. Сенсорная депривация. Электросудорожная терапия. Фармакологическая блокада памяти. Всё под подписью врача. Подпись была неразборчива. Но Коваль знал, чья она.

Он закрыл папку и поставил её на место. Потом взял следующую. Потом ещё одну. Он искал своё имя.

Нашёл на третьем стеллаже. В папке 2011 года. В отдельной тонкой скоросшивателе. На ней было написано от руки: «Коваль М. А. Личное дело. Не подшивать».

Он открыл.

Первая страница — направление. Вторая — согласие на лечение. Подпись его. Третья — протокол первой сессии. Он читал и не понимал. Слова были знакомые. Но складывались в что-то чужое. Гипноз. Регрессия. Возрастная регрессия. Он читал про себя и не помнил ничего. Ни одной строчки. Ни одного дня. Как будто этих дней у него не было.

Последняя страница была вложена отдельно. Сложена вчетверо. Он развернул.

Лист был исписан мелким почерком. Не его. Почерк ровный, аккуратный, врачебный.

«Матвей. Если вы это читаете, значит, вы вернулись. Я знал, что вы вернётесь. Вы всегда возвращаетесь к тому, что потеряли. Это не диагноз. Это характер».

Коваль перевернул лист. На обороте была только одна фраза:

«Спросите у пациентки Веры, что она нарисовала сегодня утром».

Он сложил лист. Убрал во внутренний карман. Вышел из архива, не выключив свет.

В коридоре было тихо. Лампы гудели. Он шёл и считал шаги. На семнадцатом остановился. Обернулся.

Никого.

Но он был уверен, что за ним смотрят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.